

Александр Лебедев

ЗАПИСКИ АДМИНИСТРАТОРА

КНИГА II: ГДЕ ВСЕ?

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Александр Лебедев

**Записки администратора
– 2. Где все?**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лебедев А.

Записки администратора – 2. Где все? / А. Лебедев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Администратор интернет-магазина, Алексей Левин, преследуем тайным сообществом с банальным на первый взгляд названием «Организация». Уничтожить Левина желают организмы, не согласные с появлением новой касты — «чиперов», людей, снабжённых устройством дополненной реальности, ведь это открывает перед носителями безграничные возможности для манипуляции, карьерного роста и заработка, делая чистые организмы людьми второго сорта. Однако о существовании «чипа» не прочтешь в газетах; и организмы, и чиперы не действуют открыто. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие:	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Предисловие:

В первой части трилогии мы знакомимся с Алексеем Левиным, молодым предпринимателем, не обременённым жизненным опытом и страхом неудач. Он генерирует идеи и пускается в авантюры, как только они приходят ему в голову. Так в 2005 году он впервые в России, а возможно, и в мире, торгует «инопланетными продуктами». В качестве последних Левин использует семена гречихи с поля, на котором появились «английские круги». Интернет-торговля становится его профессией, и постепенно молодой человек замечает странную статистическую особенность, а именно: незначительная часть покупателей как будто осознанно стремится к неудачам.

В исследованиях Левину помогает его верный помощник и администратор «Ленка». Девушка выполняет роль личного секретаря и организует встречи с теми, кто может объяснить поведение энтропиков, а именно так Левин называет фатально невезучих покупателей.

Среди консультантов оказываются и физик-теоретик Аркадий Быстрицкий, и бывший философ Федоров по прозвищу «Садовник», служители культа, и даже одиннадцатилетний мальчик.

Все это приводит к смещению мировоззрения Левина, как нам кажется, он начинает понимать секрет везения и неудач, однако несчастный случай, произошедший с главным героем, резко меняет тему повествования.

Левин обращается к доктору Лоренцу и узнает о существовании чипа дополненной реальности, так называемой «Иглы». Оказывается, вся политическая и бизнес-элита уже обзавелась этим устройством. На процедуру установки решается и сам Левин.

Теперь можно не смотреть в монитор и проводить время в виртуальных путешествиях, не используя виар-очки. Есть множество других вкусняшек, однако существует и обратная сторона. Как оказалось, на носителей «иглы», или в простонародье чиперов, объявлена охота. Тайная организация чистых организмов поджигает дата-центры и даже убивает владельцев чипа. По иронии судьбы знакомый Левина, «Садовник», оказывается одним из активных членов сообщества. Он выслеживает главного героя и, не раздумывая, пускает в ход оружие.

Глава 1

Все события, описанные в книге, являются вымыслом автора. Любые совпадения с реальными людьми и торговыми марками – случайны.

Права на использование обложки представлены художником Татьяной Михаль.

Кажется, совсем недавно Садовник рассказывал, что для моих экспериментов потребуется особая среда с большой энергией, большими скоростями и что пулевая стрельба подходит как нельзя лучше. А все потому, что полет пули невидим для наблюдателя, и, пока она не достигла цели, может находиться где угодно.

Садовник ошибался. Из ствола его старого пистолета распускался бутон дыма и огня. Увидеть пулю, разумеется, я не мог, но оставляемый во влажном воздухе инверсионный след был заметен. Мне даже подумалось: «Какой он безупречно ровный, несмотря на то, что состоит из мельчайших облаков пара».

Говорят, перед смертью в голове человека проносится вся его жизнь. Не помню ничего подобного, но время будто остановилось. Тело стало деревянным и неподвижным. Набегавшая трасса неминуемо настигала меня, и все же я сопротивлялся. Мышцы рвали шейные позвонки в надежде уйти с линии выстрела, отвернуться хотя бы на полградуса, отклониться на несколько миллиметров.

Чудес не бывает. Облаченная в медную оболочку свинцовая полусфера вошла в левую скулу с безжалостным хрустом. Наверное, из сравнимых впечатлений это больше всего похоже на удар ледоруба, хотя, конечно же, меня никто никогда им не бил.

В следующую секунду я забыл о неприятных ощущениях, как и обо всем вокруг. Мир развалился на куски. Показалось, будто кто-то растянул меха гармошки, так сильно, что они лопнули. Гармонь в последний раз взвизгнула, и из нее высыпалась пыль, пустота и тьма. Чернота заполнила все вокруг, и последнее, что коснулось моего сознания, были звуки двух выстрелов.

Я собирался подумать, что Садовник сделал «контрольный», но додумать эту мысль уже не успел.

* * *

Я мало знаю о боли. В течение жизни почти не страдал и самым неприятным считал поход к стоматологу. Однако даже моего опыта хватило понять: что-то пошло не так.

Болело сильно, но почему-то в затылке. Я сразу вспомнил, что лежу на парковке с простреленным лицом, – и да, теперь перед глазами пронеслись годы жизни.

Вспомнилось, что я Алексей Левин, администратор интернет-магазина. Что, изучая своих покупателей, наткнулся на странные статистические закономерности. Что открыл среди клиентов незначительную часть фатально невезучих людей.

Вспомнилось, как назвал их энтропиками, как быстро потерял к ним интерес и переключился на везунчиков. Тогда еще я не был чипером, и знакомство с Садовником состоялось в парадигме моих изысканий удачи. Именно он подсказал мне, как стать везунчиком, что изучать и как это сделать.

Все-таки, какая ирония! Кто бы мог подумать еще полгода назад, когда Садовник называл меня Алеша, брал за руку и предлагал учиться стрелять, что наша очередная встреча пройдет на парковке: вооруженный до зубов Садовник хладнокровно выстрелит мне в лицо, причем дважды.

Я понимаю, организмы ненавидят чиперов, однако зачем такие крайности, и как Садовник узнал, что я сижу на игле?

Если читатель забыл, то напомню, что некоторое время назад вырастил в своей голове чип дополненной реальности. В среде носителей это устройство называется иглой. Оно соединено с моим глазным нервом и защищенной сетью, наподобие интернет.

В общем, я стал тем самым чипером, которых невзлюбили чистые организмы. Они образовали подпольное сообщество с банальным на первый взгляд названием «Организация» и преследуют нас. Покушение на меня – яркое тому подтверждение, хотя мотивы Садовника до сих пор не понятны.

Я обратил внимание на дебаф иглы: «Ситуационная рекомендация – не двигаться».

Что же, логично, чип продолжал работать, несмотря на мое ранение. Наверное, он отключится, лишь когда умру, а может, и тогда продолжит посылать сигналы в мой глазной нерв: «Немедленно выйдите из комы и продлите лицензию».

Я услышал – что меня совершенно не удивило – звук хлопающих по асфальту ботинок, и сразу стало понятно, что это бег немолодого уже человека. Через секунду он закрыл собой небо и с опаской уставился на меня.

– Эй, вы как? – спросил мужчина.

Он действительно был немолод, лет пятидесяти, может старше, с седыми усами, одет в черную форму ЧОПовца.

– Нормально, – сказал я и понял, что произнес это вслух.

– А чего лежите?

– Упал, – заметил я очевидное.

– Если вам плохо, вызову неотложку, – пообещал охранник.

Я протянул ему руку. Она слушалась, и мужчина помог подняться.

Меня пошатнуло, но, устояв, почти сразу я сделал шаг к автомобилю и, нагнувшись, заглянул в боковое зеркало. Искаженное, бледное и напуганное, на меня смотрело лицо человека лет тридцати пяти. Под правым глазом у него был короткий ровный шрам, как от удара ножом. Через левую скулу наискосок – косою и длинный, очевидно от задевшей лицо пули. Даже нет, это был не шрам, а синяк и небольшая царапина. Следов от прямого попадания не наблюдалось.

Мне понадобилось добрых десять минут, чтобы принять произошедшее. Ехать в таком состоянии было невозможно и, сев на водительское сидение, я пытался прийти в себя.

Последнее, что запомнилось, это как брал Садовника на прицел. Пальцем. Да, ничего же другого не было.

Мы целились друг в друга, затем одновременно выстрелили. Ну, я сделал вид, а Садовник стрелял по-настоящему. Затем – падение и еще выстрел.

Я покрутил головой. Кто-то был на стоянке, это очевидно. Он или она помешали мерзавцу и не дали возможности добить меня на земле. Именно это заставило Садовника промахнуться, ведь с такого расстояния не попасть мог только новичок.

С другой стороны, я видел первый выстрел, видел, как попали в меня, и даже успел почувствовать. Но повреждений нет, и это может означать только одно: его симулировала игла. Показала, чтобы в нужный момент дернул головой и пропустил пулю. Чтобы упал и не поднимался, а Садовник, решивший, будто выполнил работу, убрался восвояси.

Рискованная комбинация, но ведь получилось! Меня накатило волной эндорфинов. Мир казался невероятно цветным. Захотелось петь, и я с трудом сдержал этот порыв.

Когда двигатель прогрелся, и температура выросла на привычные две полоски, я очень осторожно отпустил сцепление. Мне приходило в голову, что все еще нахожусь в стрессовом состоянии и могу наделать глупостей, но до сих пор поражаюсь безрассудству своих действий в тот роковой день.

Вместо того, чтобы успокоиться, я решил действовать и отправился в стрелковый клуб. Как уже рассказывал ранее, там у меня сложилась дурная репутация, отчего визит со свежими кровоподтеками на лице выглядел особенно неуместно. Но поступил я именно так и, усевшись в баре, стал бесцеремонно разглядывать посетителей. За год занятий мне не удалось завести знакомств кроме своего тренера. Я не знал никого, даже имени бармена не помнил. Впрочем, информационный баф над его головой уже сообщил, что Олег Фролов, девяносто второго года рождения, настроен явно недоброжелательно и будет всячески избегать вербальных контактов. Чего не скажешь о криминальном авторитете Гариуни Чухкадзе, разглядывающем меня с большим спокойствием и профессиональным интересом.

Поиграв с настройками иглы, я просмотрел информацию об этом человеке и попытался составить план разговора. Игла категорически не рекомендовала заговаривать с ним. Совет, разумеется, был пропущен мимо ушей. Тем более что воронка продаж над головой Чухкадзе была идеальной классической формы. Ее орал был широко открыт, и я наивно полагал, что скорплю в него все, что пожелаю.

Мы смотрели друг на друга, будто целясь, пока он не сделал небрежного жеста рукой, указав на свободное кресло за столиком.

Мне пришлось подняться и пересечь зал, отметив, что Чухкадзе уже заработал первые очки в нашем еще не состоявшемся разговоре. Он сидел полуразвалившись в кресле и без интереса смотрел, как подхожу. Одно это уже ставило Чухкадзе в положение человека, которого сейчас будут о чем-то просить или спрашивать. А я, безусловно, буду просителем, потому что никогда подчиненные не принимают своих начальников и лично являются на ковер.

– Мы знакомы? – спросил Чухкадзе.

– Нет, – ответил я автоматически.

А в голове пронеслось: «Черт, как же он хорош». Начать разговор с этой фразы было все равно, что сходить пешкой с Е-два на Е-четыре.

Я пристально посмотрел ему в глаза, пытаюсь понять, пользуется ли Чухкадзе иглой или он от природы хороший психолог, но, разумеется, ни понять, ни увидеть этого не смог.

В этом была вся прелесть чипа. Это в фантастических романах люди проваливаются в неподвижность или расфокусируют взгляд в момент использования нейронной сети. Чухкадзе, если был носителем, мог этого не делать. Потому что изображение, транслируемое в нерв, всегда читаемо и всегда четкое. Более того, читать его тоже нет необходимости, потому что сообщение уже передано в нерв, а вы как бы слышите эхо. Это больше всего похоже на чтение книг, когда вы видите слова, но на самом деле слышите голос у себя в голове. Первое время я прочитывал сообщения иглы, но очень скоро стал их узнавать, даже если видел впервые.

Еще один пример: я никогда не задумываюсь, как построить фразу. Просто начинаю говорить, и слова сами складываются в предложение, но если вспоминаю какой-то факт или замечаю что-то странное, моя речь моментально подстраивается под изменившиеся реалии. То же самое происходит и при появлении дебафа иглы.

Разумеется, в крутых версиях есть специальный текстовый анализатор, который следит за речью политиков и делает их спич тщательно выверенным, но для нужд обычного человека это вовсе не обязательно.

С другой стороны, среда криминальных авторитетов очень чувствительна к сказанному, а на могилах многих из них уместна эпитафия: «За базар ответил». Поэтому я бы не удивился, если узнал, что у Гариуни навороченный анализатор.

– Что-то хотел, брат? – фраза Чухкадзе вернула меня в разговор.

– Нужен совет, – сказал я подчеркнуто расслабленно.

Вместо непринужденности в голосе прозвучала небрежность. Я, будто захмелевший на вечеринке, почувствовал заплетающийся язык и дал себе обещание строить фразы короче.

– Хочу приобрести пушку, – продолжил я, – для самообороны. Но в магазин идти не собираюсь.

Чухкадзе поцокал языком, как бы говоря: «Куда катится этот мир». И, прервав мою фразу, медленно добавил:

– Скоро помогу тебе, брат.

Я только было собирался рассказать, что на улицах беспредел и невозможно выйти из дома, а в качестве доказательства продемонстрировать свежий кровоподтек, но вместо этого глупо приоткрыл рот.

Чухкадзе не просто удивил, он разжег чудовищный интерес к принятому им решению, а я не мог спросить в данной ситуации: «И чего ради ты мне вздумал помогать, и почему так охотно?»

Показательно неторопливо Гариуни допил зеленый чай и, встав, сказал мне:

– Иди за мной, брат. Сейчас все решим.

Я вышел из кафе вслед за Чухкадзе, и тут произошло то, что до сих пор остается за гранью моего понимания.

Мы сели в черную «ауди» – я на заднее сидение, Чухкадзе рядом с большим волосатым водителем – и зачем-то объехали комплекс вокруг. Ритуал это был или что-то еще, для меня осталось загадкой. Но стоило нам остановиться на том же самом месте, как водитель, словно фокусник, вытащил сверток, а точнее, завернутый в тряпку пистолет.

Я не знаю, где этот магазин промасленных тряпок. Но она не была частью одежды, порванной простыней или нижним бельем. Тряпка была именно той, во что бандиты обычно заворачивают оружие. В ней находился ранее не виданный мной пистолет и две снаряженные обоймы.

Игла тут же распознала обводы и выбросила соответствующий ситуации баф:

«Пистолет Лебедева ПЛ 15К – укороченный. Спортивный пистолет производства концерна "Калашников". Патрон девять на девятнадцать миллиметров, коробчатый магазин на четырнадцать патронов. Оружие разработано совместно с инструкторами центра подготовки спецназа ФСБ и ведущими стрелками-спортсменами».

– Годится, – сказал я, кладя в руку оружие. – Сколько вам должен?

– Что ты, брат? – удивился, Чухкадзе. – Подарок.

Он повернулся ко мне и изменившимся голосом добавил:

– Не забывай только.

Чухкадзе неуклюже протянул мне ладонь и наконец представился:

– Гоги.

Я пожал его руку, не пытаясь переубедить, что собеседника зовут иначе. А чтобы выглядеть на уровне, сказал:

– Администратор.

Сделав паузу и вернув свой обычный голос, Чухкадзе, или теперь уже Гоги, произнес:

– Месть – это блюдо, которое лучше всего подавать холодным.

Я согласно кивнул, засунул пистолет за пояс со спины, обоймы распахал по карманам, а тряпку с большим сожалением вернул водителю.

– Благодарю, – сказал я вместо прощания и попятился из салона. Когда мне удалось выпрямиться, пистолет чуть не выпрыгнул из штанов. Я сделал странное па и, чтобы не выглядеть дураком, помахал Гоги.

То, что оружие паленое, сомнений не вызывало. Из этого пистолета либо только что кого-то убили, либо на нем был такой висяк, что даже держать оружие в руках было опасно. Других вариантов невероятной щедрости Гоги я предположить не мог.

И все же мою душу переполняло радостное ожидание предстоящей драки.

«Посмотрим, – звучало у меня в голове, – как ты будешь рад меня видеть, друг Садовник».

Я так же осторожно выехал с территории клуба и, не заезжая в город, оказался на обводном шоссе. Проехав кафе «Седьмая миля», я впервые подумал, что приближаюсь к посту ДПС в Зеленовке. У меня за поясом пистолет со сбитыми номерами, а в карманах обоймы с патронами. Еще вспомнилось, что я программист, и не привык убивать людей перед ужином, а при встрече с Садовником наверняка кто-то умрет.

В общем, настало время нервничать. Однако на посту не оказалось глазастых сотрудников, все они были заняты потрошением фур, и мне удалось беспрепятственно проехать. Почти час дороги я накачивал себя, разжигая злость. Вспомнил, что Садовник – на самом деле даже не Федор. Очевидно, это его детское прозвище, сложившееся из фамилии Федоров, и он при всяком удобном случае представляется то Отцом Федором, то дядей.

Вспомнились его странные выходки с переодеванием в рясу, стрельба в квартире и ужасный бардак. Я представил, как страдают его соседи от зловония и тараканов. Как жалуются на него и ничего не могут поделать с человеком, находящемся в федеральном розыске. Вот сейчас и избавлю их от страданий.

Уже издалека стали заметны пожарные машины. Огнеборцы и спасатели сворачивали пожарные рукава и собирали складную лестницу. Вокруг дома рассредоточилась толпа зевак. Проехать и тем более припарковаться поблизости не было никакой возможности. Я остановился почти сразу, как только въехал во двор Садовника.

Стараясь не светить пушкой, я зарядил пистолет, но оставил его на предохранителе. Выйдя из машины и несколько раз подпрыгнув, чтобы убедиться в правильном положении оружия, я направился к дому Федорова. На четвертом этаже пустыми глазницами зияли два оконных проема. То, что это были окна Садовника, не казалось смешным.

Судя по всему, трагедия произошла считанные часы назад, а возможно, речь шла о минутах. Складывалось впечатление, будто кто-то всадил в окна Федорова из «Мухи», причем в обе комнаты одновременно. Их содержимое – многочисленные книги и горшки – разлетелись на огромной площади. Под ногами, словно насмешка, валялась обмотка высоковольтного трансформатора Теслы.

«Собрать не получилось – пока», – вспомнилась фраза, произнесенная Садовником.

– Теперь встретишься с Николаем лично, – процедил я сквозь зубы, словно не злой рок, а лично порешил негодяя.

Я уже собирался вернуться в машину, как до моего обостренного слуха долетела фраза, сказанная одним из пожарных.

– Откуда у него столько водорода? И зачем он его хранил?

Меня не то чтобы удивило, как-то дернуло, словно за рукав. Я вспомнил, что Садовник ставил опыты на растениях, собственно почему и получил такой псевдоним. Федоров утверждал, будто при фотосинтезе из воды выделяется водород, собирал газ при помощи кустарных приспособлений и, в конце концов, доигрался. Но если это так, то получалось, что Садовник был прав, а я уже привык считать Федорова сумасшедшим фундаменталистом.

Возникло неприятное ощущение пятого угла. Когда видишь его, понимаешь, что быть такого не может, но выбросить это из памяти уже не получится.

Я решил подумать на свежую голову, сел в автомобиль и почувствовал, как меня отпускает. Мое мышление вернулось к прежним циничным рассуждениям. Разум, заменив все дебафы иглы, вопил единственной фразой: «Избавься от оружия!»

Прежде чем я завел двигатель, очень осторожно засунул пистолет под коврик. Через два километра остановился на заправке и как бы играючи переложил его в аптечку. Позже заехал на крытую стоянку в Икее и долго перепрятывал оружие в разных местах. Выбрав в качестве тайника ящик с инструментами, я выехал из Самары, но уже на семнадцатом километре от

города сделал остановку. Достав пистолет, я швырнул его в бардачок, решив, что кому нужно – найдут его и так, а моя наглость города берет и достойна уважения.

Так я добрался до дома, и только хлопнув дверью машины, вспомнил о жене. Был первый час ночи. Посмотрев на смартфон – нет ли пропущенных СМС – я обалдел. Мой вздутый, словно мыльница, телефон был разбит. Сенсор еще работал, и сквозь сеть трещин светился список из девяноста семи пропущенных.

– Чертов Садовник! – закричал я.

Почему-то потеря телефона показалась мне наиболее несправедливой.

Услышав мой голос, Кристина выбежала из дома и повисла у меня на шее.

– Детка, – сказал я, отстраняясь, – тут такое случилось, мне тебе столько нужно рассказать!

Я продемонстрировал ей экран смартфона:

– Разбил телефон, представляешь?

Кристина кивнула головой, по ее щекам бежали крупные слезы.

– Знаю, – сказала она. – Уже все знают.

* * *

Казалось, этот день никогда не закончится. Уже произошло столько событий, будто я не спал целую неделю.

Но дома меня ждал достойный сюрприз. Оказалось, что я снова знаменит. Кто-то выложил видео с камер наблюдения Технопарка, и ролик моментально стал вирусным. Минутное видео под названием «Дуэль» било по количеству просмотров клипы группы «Ленинград».

Привлекло зрителей мое наглое поведение. Концепт читателю уже знаком, а меня переделнуло, стоило посмотреть ролик.

Камера находилась позади Садовника, то есть на видео я стою к зрителям лицом. Мотоцикл въезжает в кадр, одновременно я иду навстречу. Останавливаюсь, смотрю на Федорова и вроде бы собираюсь бежать, мечусь, но, поняв безысходность, замираю. Садовник направляет оружие в мою сторону, и я, словно Мистер Бин, комично складываю пальцы в пистолет, целясь в Садовника. Короткая вспышка – однако мой палец успевает подпрыгнуть, имитируя отдачу. В следующую секунду меня словно ветром сдувает, я лечу на спину, чуть не переворачиваясь кувырком. Это настолько реалистично, что у меня начинает ныть затылок.

Просмотрев видео около тридцати раз между тремя рюмками коньяка, я перешёл к комментариям. Все это время Кристина, будто назойливая муха, зудела надо мной. Она задала такое количество вопросов, что я решил не отвечать вовсе – сославшись на послешоковое состояние. Тогда жена выхватила разбитый телефон и стала пролистывать мои сообщения.

– Все бабы тебе позвонили, – сказала Кристина.

– Да? – удивился я. – Это и непонятно, с каких пор вы просиживаете на Ютубе? Здесь не подписано, лица почти не видно, а вы меня распознали и оборвали телефон.

– Кто такая Лиза? – спросила Кристина. – Она набрала тебя раньше меня.

Красивая студентка, к которой обещал заехать и которая, очевидно, совсем заждалась, совершенно вылетела из головы.

– По работе... Так откуда ты узнала?

– Саша сообщила, – ответила Кристина нахмурившись.

– А она откуда? – допытывался я.

– Не сказала.

Я решительно отобрал смартфон:

– О... А Ленка не звонила, – это даже как-то странно, ведь она всегда в курсе сетевых склок.

– Кто такая Лиза? – повторила Кристина.

– Детка, ты ревнуешь, это так трогательно.

Я обнял Кристину и прошептал в ухо:

– Пошли спать, у меня сегодня был сумасшедший день.

Когда мы улеглись и я обнял жену, почувствовал, что плечи Кристины мелко дрожат. Однако уже через десять минут она согрелась в моих объятиях и тихо засопела в ухо. Мое тело было полностью разбито, гудело и стреляло вспышками боли. О том, чтобы заснуть, не могло быть и речи. Я осторожно вылез из-под одеяла и, словно подросток, на цыпочках вышел из спальни.

Еще раз просмотрев ролик, я пролистал непрочитанные комментарии.

Мнения сильно разделились. Одни считали меня героем, другие – мудаком. Аргументы первых понравились больше, поэтому сошлюсь только на них.

«Это же надо, – писал некто под ником Гладиатор, – иметь такое мужество, чтобы не только смотреть смерти в лицо, но насмехаться над ней».

«Целиться из пальца в киллера – это вам не позвонить в квартиру и не спросить бумажку после того, как вы нагадили на коврик. Это уже супернаглость», – написал некто Кабан-полтинник.

«Не пойму, а Пушкин промахнулся?» – сострил Терминатор.

«Это не Пушкин, это Левин Алексей, я у него на семинаре был: Как привлечь удачу».

Сразу стало понятно, что вызвало шквал звонков.

«Не повезло чуваку, – писал следующий комментатор. – Как говорится, сапожник без сапог».

«Может, он еще встанет? – предполагал девичий ник. —И скажет: I'll be back, детка».

Далее шло четырнадцать страниц флуда, пережевывания костей, восхищения и колкостей. Я читал это – живой и здоровый – не отдавая отчет в том обстоятельстве, что для большинства зрителей на экране были последние секунды человеческой жизни.

Так глумиться над божьим промыслом живые люди просто не могли. Но мой мозг уже не впитывал новой информации. Я закрыл глаза и провалился в пустоту – густую и черную, без мыслей и сновидений.

Глава 2

Как вы думаете, я перезвонил кому-то из тех, чьи звонки пропустил в тот роковой день? Нет, конечно. Был час ночи, и тревожить своих коллег и друзей мне показалось неудачной затеей.

За ночь синяк на левой скуле потемнел, и мое отражение в зеркале приобрело свирепый вид, способный внушить уважение, даже некий трепет. Громко отхлебывая горячий кофе, огрубевшим после короткого сна голосом я бубнил в трубку:

– Привет. Пропустил твой звонок... Нет, со мной все норм... Нет, не постановка... Отморозки всякие... Ну, я же бессмертный...

Каждый раз Кристина качала головой, а иногда повторяла:

– Господи, Левин, ты ли это?

– Послушай, детка, – оправдывался я. – Мне не так часто удается быть знаменитым. Насколько помню, это происходит второй раз в жизни, неужели не имею права слегка порисоваться?

– Да тебе завтра же будет за это стыдно, – укоряла меня жена.

Но в голову уже ударили пьянящие лучи, и я обзвонил всех, кроме Лизы, а Ленкин номер набрал последним.

– Привет, со мной все нормально, – сказал я, услышав ее равнодушное «алло».

– Даже не сомневалась, – ответила Ленка.

– Ты не видела ролик на Ютубе с моим участием? – спросил я растерянно.

– Вот сейчас действительно было смешно, – Ленка демонстративно зевнула и добавила: – весь интернет гудит, как улей, как можно было это пропустить?

– Ну, я подумал, ты волнуешься. – В последней фразе не осталось ни капли тестостерона. Я выпрашивал Ленкино внимание, а она ставила мне на спину начищенный сапог.

– Леш-ш, – растягивая «ша», сказала девушка. – Пока я за тобой присматриваю, ничего не случится. Окей?

Я поймал торжествующий взгляд Кристины. Ребром ладони она провела себе по шее, затем закатила глаза.

Даже не помню, что было обиднее – Ленкины слова или Кристинина пантомима.

– Знаешь, дорогая, – сказал я в трубку, – порой ты переигрываешь, изображая чопорную немецкую суку.

Ленка решила не обижаться:

– И я тебя люблю.

Но сразу же положила трубку. Кристина ехидно улыбалась.

– Любит меня, между прочим, – пробубнил я.

Да, женщины – это сложно.

Наши семейные разборательства прервала Саша. Она стояла на пороге в сопровождении двух лысых мужиков. Один был плечист и молод, второй – суров и чопорен. Последний мне не понравился, его скользкий, холодный взгляд пробежал, будто вывернул карманы. Однако игла зажгла над ним зеленый нимб, что означало высокую степень доверия. Кроме всего прочего, поразил уровень жизненных сил: оба лысеньких были заряжены на сто процентов, будто новые батарейки или только что снаряженные магазины. Обычно нимб не бывает закрыт более чем на семьдесят процентов – и это утром, а к вечеру большинство жителей Тольятти заряжены лишь на шестьдесят. В пятницу вечером этот показатель снижается до сорока процентов. Но вошедшие мужики были как с иголки.

– Сергей Геннадиевич, – представился один.

– Олег, – тот, что моложе, позволил себе улыбнуться. Однако старший смерил его таким взглядом, будто ударил плеткой.

Я ожидал разъяснений, потому что знакомство с лысыми мужиками в мои утренние планы не входило.

– Частное детективное агентство «Багира», – сказала Саша.

– Оригинальное название, – похвалил я.

Разумеется, это был сарказм, я не стал бы так называть даже кооперативный туалет. Но гости не были склонны к самоиронии и приняли мою колкость за комплимент.

– Руководитель агентства решил, что не может не предоставить тебе охрану.

В словах Саша было слишком много «не», и они дошли до меня не сразу. Поморгав для приличия и выждав паузу, я решил ничего не говорить. В конце концов, позже Саша сама все пояснит. Но в комедии, которую она разыгрывала, нужно было поучаствовать.

И все же я спросил:

– Расскажите подробнее.

– Мы предоставим вам защиту, – пояснил Сергей Геннадиевич, – на случай повторного покушения. Наш лучший детектив, – он кивнул на молодого, – будет следить за вашей безопасностью.

Мне снова захотелось сострить, но, увидев поджатые Сашины губы, я передумал, а вместо этого согласно кивнул.

В общем-то, ничего забавного не происходило, однако меня почему-то раширало веселье.

Сергей Геннадиевич рассказал, как Олег будет нести службу и сколько времени я буду находиться под его пристальным наблюдением. Выяснилось, что это совсем не просто, и один человек с такой задачей справиться не может физически. Детективу нужно есть, спать, ходить в туалет и отдыхать, и все это время я буду беззащитен. Поэтому в детективном агентстве «Багира» решили, что прикроют только наиболее вероятные для нападения места: мой выход, возвращение домой и, разумеется, поездки по городу. Дом решено было превратить в электронную крепость и опутать дополнительной сеткой беспроводных видеокамер и датчиков.

Услышанное привело Кристину в состояние паники. Она почему-то решила, что вечерняя история благополучно закончилась. К дальнейшему развитию событий моя жена была совершенно не готова, тем более к посторонним в доме. И все бы ничего, но появившиеся в новеньких комбинезонах ребята стали вытаптывать клумбы и вкапывать столбы прямо посреди лужайки. В тот день я услышал от Кристины много новых слов и выражений, таких как: «Засуньте себе в задницу ваш нужный сектор обзора». Или: «Мне их еще и кормить, что ли? А сиську они будут?»

Только Саша смогла успокоить разбушевавшуюся хозяйку. Кстати, я тоже впервые наблюдал, как она работает. Специалист по уговорам так умело манипулировала страхами моей жены, что в душе возник холодок и логичный вопрос: а не управляла ли она нами раньше?

Чтобы занять Кристину и остаться наедине со мной, Саша отправила мою жену за покупками. Олега ей навязали в качестве физического сопровождения, чтобы купить стратегический запас печенья и сгущенки на случай осады или ядерной войны.

– Понимаешь, что происходит? – спросила Саша, когда мы остались вдвоем.

– Мне кажется, – ответил я, – будто попал в стиральную машину.

– Неудивительно, – заметила Саша. – Когда теряешь субъектность, так и происходит. На самом деле все закономерно, просто нужно взглянуть шире.

– Объясни тогда, – попросил я.

Саша на секунду задумалась.

– Помнишь, о чем мы говорили в нашу последнюю встречу? Что тебя о чем-то попросят.

Я кивнул.

– Были какие-то странные просьбы, предложения?

– За исключением моего сотрудничества с Цифроградом, наверное нет. Меня пригласили в качестве автора идеи, и я им посоветовал сделать хвостик для телефона.

Саша посмотрела с недоверием.

– Да, понимаю, звучит странно. Но у меня возникла другая хорошая мысль – написать семейное приложение для смартфона. Это сугубо мирная разработка, Пентагон ею не взломать.

– Понимаешь, Леш, – прервала меня Саша, – организмы отреагировали. Они решили, что ты важен для иглы. Иначе покушение на тебя лишено всякого смысла. Ведь не трогают же других носителей, а это, как правило, люди статусные, с положением. Нанесение им вреда могло бы вызвать больший резонанс, однако организмы именно на тебе зациклились.

– Это из-за дебафа, – предположил я. – Со времен Моника никто из носителей не слеп от случайного наноробота. Может, в этом суть? А скорее всего, меня просто выдал тот случай, и организмы идентифицировали носителя. Вот и решили показательно уничтожить.

– Леш, обнаружить иглу совсем не сложно. Любой министр хоть тяжелой, хоть легкой промышленности сидит на игле, любой мэр, любой московский депутат.

– А... – я поднял палец вверх, – Пал Палыч?

– Нет, – решительно ответила Саша.

– Да ладно! А он-то что побрезговал?

– Леш, иглы нет ни у президента, ни у Шойгу, и старшим офицерам ее запрещается носить, ну а младшие по понятным причинам не могут себе этого позволить. Объяснить почему?

– Понял, не дурак. Скажи, Саш, а есть еще категории людей, которые ну принципиально против.

Девушка задумалась.

– РПЦ. Они, по-моему, до сих пор в ИНН боятся число дьявола увидеть.

– То есть у нас в стране всего две категории людей, которые сто процентов не на игле?

– Вовсе нет, просто там это не приветствуется.

– Подожди, – прервал я Сашу, – а как же Моника, ведь она подцепила новую версию. Значит, у четы Клинтон тоже должен быть чип? Или там не опасаются, что человек на игле не сможет в нужный момент нажать кнопку? Или, напротив, нажмет ее слишком быстро, а?

– Ты сам ответил на свой вопрос, Леша. В министерстве обороны не пользуются «Вордом» по этой же самой причине. Игла пришла откуда-то с Запада, и что в ней шито – никто толком не знает.

– Из этого можно сделать вывод, – сказал я, – что в Штатах совершенно не опасаются иглы. И логично предположить, что знают о ее происхождении гораздо больше. Кстати, о военных. Я ведь с Садовником был знаком и встретил его однажды на благотворительном вечере. Увидел переодетым в рясу и ничего не понял, но еще меня удивили меценаты с военной выправкой. Тогда это как-то в голове не сложилось.

– Леш, ты вот сейчас прям толсто намекаешь, будто Федоров готовил военный переворот? Это же голимая конспирология. Путчи делают в Москве, в провинции это не имеет смысла.

В тон Сашиной насмешке я процитировал интернет-мем:

– Страшно, очень страшно. Мы не знаем, что происходит в столице. Если бы мы знали, что происходит в столице! Но мы не знаем, что там происходит.

К тому же Садовник может быть винтиком в большой, – я обвел в воздухе окружность, – очень большой организации. По меньшей мере, это укладывается в твой рассказ. И вот еще что. Садовник – образованный человек, философ, агроном, автор сорока сортов пасленовых – живет в бардаке, постоянно передевается и все время шмаляет из старого пистолета. По-твоему, кто так поступает?

Саша пожала плечами.

– Я так поступаю, Саш. Со стороны мои действия наверняка выглядят похоже. Однако мы с тобой знаем, что я не романтик, а циник, и весь мой паноптикум – тонкий практичный расчет. Рассказывал я тебе когда-нибудь, как выиграл годовой запас колы?

– Нет, не помню.

– Сейчас расскажу. Году этак в пятом, когда сын еще в начальной школе учился, решил его развлечь и принял с ним участие в конкурсе на лучшее поздравление Деду Морозу. Отправили мы по почте анкеты на участие. Сын частушку придумал, а я в качестве поздравления написал: «Та-ти-та-та». Через месяц приходит письмо из Москвы, мол, вы победили в нелегкой борьбе, делать ничего не нужно, скоро праздник к вам приедет. И приехал. Огромный такой грузовик, даже во двор заехать не смог, водитель с грузчиком упаковки от угла дома носили, все семьсот литров. Еще больше удивило то, что в качестве благодарности они попросили пару бутылок.

Но я отвлекся, кажется. Мой поступок для тебя выглядит странным? Если морщишь носик, значит, выглядит. А я сейчас его объясню.

В качестве приза мы выбрали годовой запас колы, хотя были и телевизоры и коньки. Но я рассудил так: конкурс проводит компания, производящая газировку, ее она и будет раздавать, все остальное – для блезира.

Также было несложно предположить, что отборочная комиссия будет завалена сладкими приветствиями в стиле: «Дорогой дедушка, мы тебя так любим, так ждем от тебя подарков!» – и все в этом духе. Сотни, тысячи писем пришлось прочитать клерку, который, кстати, никакой не Дед Мороз, а живой человек с нервами. И вот он открывает мое письмо, начинает читать и хохочет. Его коллеги спрашивают: «А что такое?» Он перечитывает, и смеются все, но вскоре забывают и продолжают читать похожие друг на друга скучные письма. Через час кто-то прыскает смешком. Его поддерживают коллеги, и странно – все смеются, хотя никто не говорил, по какому поводу.

«А знаете, – рассуждает кто-то из цензоров, – ведь это единственное письмо, которое нас всех повеселило, давайте отправим ему приз».

– Господи, Леша! Ты обобрал детей?

– Что значит «обобрал»? Я, как они написали, победил в честной борьбе. К тому же участвовал не один, а за компанию. И, мне кажется, сделал для детей благое дело, если подумать, сколько в этой газировке сахара.

– А при чем тут Садовник? – спросила Саша.

– Понимаешь, – растянул я, – дураки – они попроще. Садовник, конечно, выглядит странно, ведет себя как отморозенный, но его рассуждения работают, и это нужно признать. Я вчера был у него дома, там взорвался водород, который Федоров собирал с растений.

– Не знала, что растения выделяют водород.

– И я не знал. Думаю, что и Садовник не был в этом уверен. Однако теперь убедился на практике. В общем, к чему я так долго подводил? К тому, что ты, безусловно, права. Садовник действовал по какому-то плану, и мы с тобой должны его понять. А так как Федоров нам этого больше не расскажет, давай узнаем это в кругу. Я надеюсь, игла все-таки неодушевленный предмет? Или у меня есть повод беспокоиться?

– Нет, конечно, – ответила Саша, – до такого маразма мы не дойдем. Но круг – это электронная форма бюрократии. Причем закрытая. Он существует для решения проблем, а не получения сведений. И, как ты, наверное, догадался, название выбрано не случайно.

– Круговая порука, – предположил я.

– Можно и так сказать, – согласилась Саша. – Но порочный круг – более точно. Интересы носителей должны быть реализованы в приоритетном порядке. А соблюсти баланс в огромном сообществе сложно, и даже невозможно, поэтому решение утверждается по кругу десятки и сотни раз, пока реализация плана не сведет к минимуму недовольных. Иными словами, если

в планах сообщества держать тебя в неведении, то ни круг, ни высокопоставленные носители не помогут. Но есть и хорошие новости.

– Какие? – обрадовался я.

– Сергей Геннадиевич счел своим долгом оказать тебе услугу. Значит, твоя безопасность в приоритете круга, и расходы на нее не смутят руководителя детективного агентства.

– Саш, а как это происходит? Ну понятно, что вы не садитесь в кружок где-нибудь на лужайке и не спорите до хрипоты.

Почему-то девушка не хотела рассказывать.

– Ладно, – наконец решила она. – Приходит сообщение по сети. Запускаешь круг, что-то вроде приложения. И видишь в центре проблему. В частности, с твоим дебафом – это был ты. Других участников круга не видно, но они как будто встают, когда высказываются, и эта волна движется, постоянно меняя саму проблему. Круг за кругом волна становится все слабее, а участников – меньше. Я, правда, не поняла, это они теряют интерес или игла их отключает. В итоге появляется сообщение, что решение принято и проблема решена, хотя никаких резолюций не выдается.

– М-да, – сказал я. – Действительно, закрытая форма бюрократии. Хотя Лоренс мне несколько иначе все рисовал.

Наш разговор прервала Кристина, вернувшаяся с покупками. Шопинг явно пошел ей на пользу, она повеселела и с порога объявила, что теперь в магазин будет ездить только с Олегом.

Я подумал, что еще двадцать часов назад моя жизнь выглядела совершенно по-другому.

* * *

Говорят, что человек ко всему привыкает. Привыкли и мы. К присутствию Олега, к теперь уже частым визитам Саша. К тому, что каждый сантиметр нашего дома просматривается и прослушивается, а случайный ночной визит соседской кошки разрывает тишину воем серены.

Как и любой житель частного владения, я задумался о безопасности давно. Собственно, с первого дня, когда со строительной площадки украли пару железных бочек. Позже моя территория стала закрытой от посторонних, и тем не менее вопрос – как защитить себя и близких – всплывал регулярно.

Самым простым и очевидным решением казалось стать охотником и приобрести в собственность ружье. Однако всерьез я не рассматривал такой вариант, и не потому, что люблю животных.

Глядя в окно, я иногда вижу крадущуюся лису, и меня всегда изумляет: почему они такие чистые? Сразу скажу, что не наблюдал в дикой природе за медведем или кабаном, но лисы, зайцы и косули совсем не такие, как в зоопарке. Там их специально пачкают, что ли, а может, животные теряют вкус к жизни и перестают следить за собой – не знаю.

Мне кажется, я понимаю, что заставляет человека стрелять в убегающую тварь. Приобрести оружие для него не составляет проблемы, а животным его не продадут никогда. И после охоты можно повесить на стену голову убитого животного, а друзьям рассказывать: «Я его добыл». Не убил, не замочил, не кончил, а толерантно – добыл.

Разумеется, охотиться я не собирался, но и простое владение оружием входило в противоречие с моими внутренними установками.

Почти сразу знания об энтропиках стали трансформировать мое представление о жизни. На бытовом уровне, на профессиональном и даже в финансовой сфере. Будучи экономистом, я долго примерял ярлык энтропика к разным ситуациям, сделав, может быть, субъективный, но вполне логичный вывод: энтропики всегда приобретают пассивы.

Надеюсь, меня сейчас не читает профессиональный бухгалтер. Слово «пассивы» здесь используется в широком архаичном смысле. А именно: пассивы – это обязательства, активы же – средства для получения прибыли. Причем для одного субъекта дорогой автомобиль будет активом, для другого же, напротив – таким не станет никогда.

Ярким примером может оказаться приобретение последней версии айфона на деньги, взятые в кредит у микрофинансовой организации.

Для энтропика это очередной повод найти неприятности, оказаться в ситуации, где он представится жертвой. Везунчик же так поступать не будет, хотя и у него может оказаться дорогой телефон. Разница должна быть очевидна: если владельцу приходится тратить средства и время на содержание объекта – это пассив; если он приносит дивиденды, пусть даже и нематериальные, например подчеркивает статус владельца или сокращает время в пути, – это актив.

Кстати, поэтому я не жалею денег на инструмент, в широком смысле этого слова. Программа для верстки сайта – самая выгодная инвестиция в моей профессии, потому что освобождает драгоценное время.

Но вернемся к охотничьему оружию, которое в моем понимании является пассивом.

Приобретая даже одну единицу гладкоствольного оружия, мне пришлось бы согласиться с регулярными визитами участкового, который станет досматривать не только само ружье, но и место его хранения, проверяя, прикручен ли шкафчик для хранения к стене и тому подобную ерунду.

Но это не главное. Мне пришлось бы охранять само оружие, которое представляет серьезную угрозу как для владельца, так и для окружающих его людей. Ведь, согласитесь, хранить ружье под замком в подвале – тупо, а все время держать его под рукой небезопасно. К тому же применить оружие, пусть даже у себя дома, – задача не самая простая.

Уважаемый читатель без труда найдет упоминания о проводимых в 1947 году исследованиях, которые курировал генерал Сэмюэль Маршал. В нашей стране он больше известен как создатель военного блока НАТО, но кроме этого генерал был еще и ветераном второй мировой, а после ее окончания решил опросить участников боевых действий. Он выяснил, что только двадцать шесть процентов личного состава вели огонь в сторону противника, а два – только два процента! – делали это прицельно. Другими словами, весь урон противнику нанесли всего два процента личного состава. Любопытно, что столько же душевно неуравновешенных солдат выявили среди американских морских пехотинцев. Косвенно это подтверждает и тот факт, что половину всех сбитых самолетов противника уничтожил один процент летчиков.

Откровенно говоря, я не поверил этим исследованиям и решил добраться до первоисточника, однако книга Маршала «Men Against Fire» не переведена на русский, а мой английский не позволил разобраться в деталях досконально. Выяснилось лишь то, что генерал не делал репрезентативных выборок. Его опросы больше напоминали разговоры по душам, и с ним охотно делились солдатскими байками. В 1986 году двое исследователей решили перепроверить данные, но не нашли ни одного свидетеля этих опросов. В общем, генерал любил яркие краски. Как и участники воздушных сражений. Уже в наши дни журналисты собрали показания о сбитых немецких самолетах, которых оказалось – вы уже догадались? – да, вдвое больше, чем выпустила немецкая промышленность.

И тем не менее, все вышеописанное не является профанацией. Я приведу только один пример, который может показаться неуместным и даже циничным. Но надеюсь, читатель уже привык к моим охлажденным рассуждениям. Так вот.

Вы любите футбол? Лично я не люблю. Радоваться тому, что двадцать два миллионера бьют по кожаному мячу, мне не кажется веселым. Но больше всего поражает, что даже среди этих, самых подготовленных на планете спортсменов, есть футболисты, чей уровень на порядок выше остальных. Навыки такого специалиста настолько уникальны и настолько отличны от среднестатистических, что это четко варьируется суммой заключенного контракта.

А теперь подумайте, почему профессионализм в умении убивать не должен сопровождаться этим же принципом?

Два процента уже не кажется очень маленькой цифрой, потому что человек, целящийся в другого человека, находится в гораздо более стрессовой ситуации, нежели футболист. А чем думает человек в стрессовой ситуации? Правильно – мозгом рептилии, то есть ничем.

Мне так и хочется притянуть за уши многочисленные фильмы о покушениях на частную собственность, где хозяев убивают из их же оружия, но это все – художественные истории, и лучше я расскажу реальную.

Году этак в девяностом мы с отцом оказались у его знакомого, который поспешил показать приобретенное ружье, по-моему даже незаконное. Казавшееся огромным, оружие двенадцатого калибра было очень неповоротливым в условиях городской квартиры.

– Для жены купил, – сообщил мужчина. – Будут дверь ломать – есть чем защититься.

Тогда я только восхищался заботой о семье. Однако на протяжении следующих двадцати лет у меня из головы не выходила нарисованная в тот вечер сцена: ломящиеся в дверь отморозки и наспех собирающая оружие женщина, разумеется перепуганная и вся в слезах, но успевающая загнать патрон в патронник до того, как падает дверное полотно. И тогда женщина встает на пороге и говорит... Впрочем, не знаю, что она говорит. Потому что картину я никак не могу представить до конца.

Вот не могу представить себе подвиг Александра Матросова, человека, бросившегося на амбразуру дзота, не получается, – и тут не могу. Позже до меня дошло, что мужчина приобрел оружие вовсе не для самообороны, а чтобы похвастаться им.

Но и это еще не все. Если мы уже всерьез разговариваем об использовании огнестрельного оружия, следует учитывать все аспекты его применения. Ружье двенадцатого калибра очень эффективно, если зарядить его картечью и выстрелить в упор. Однако нападающий может не предоставить таких шансов, а, скажем, попытается увернуться. И оказывается, даже при прямом попадании и ранении человека в сердце, он сохраняет подвижность и способность к агрессивным действиям.

Эта информация всячески замалчивается производителями летального оружия, однако у продавцов электрошокового вы найдете ее без труда. А именно, что останавливающий эффект огнестрельного оружия крайне мал. По этой причине наряды полицейских оснащены еще и электрошоковым снаряжением.

Но, кажется, я разговорился об огнестреле больше, чем он этого заслуживает.

С детства я увлекался холодным оружием и отдавал предпочтение ему, логично предполагая, что, может быть, выстрелить в человека мне будет сложно, а вот отрубить ему конечность – вовсе нет.

Много лет я практиковался в первую очередь не навредить себе и, как мне казалось, отработал неплохие навыки в использовании катаны. Три самурайских меча занимали почетное место в нашей спальне, пока однажды голубь не провалился в вентиляционный канал. Он выбил решетку на кухне и устроил вакханалию с боем посуды и громом кухонной утвари.

Мы с Кристиной прибежали на шум и, убедившись, что в доме нет посторонних, перешли к ролевым играм. Я изображал владельца, а моя жена – застигнутую на месте преступления домовницу, однако после первого же дубля выяснилось, что махать саблями на кухне вовсе не замечательно. Я случайным образом разбил рожок в люстре и никак не мог поймать «взломщицу».

Наверняка среди читателей найдется пара умников, которые вспомнят сцены из фильма «Убить Билла», где в тесном вагончике герои сражаются на мечах. Я даже возражать не стану. Пусть сами попробуют или спросят морских офицеров, почему кортик, до того как он превратился в элемент формы, затачивали с острия. Сам же и отвечу: в тесных корабельных рубках

даже таким оружием противника можно лишь заколоть. Наносить там рубленые раны способны исключительно офицеры диванных войск, а я к ним не отношусь.

В общем, пришлось заменить меч коротким мачете. А позже и ограничиться битой, дабы не создавать опасности для подросших детей.

Коренным образом изменившаяся жизненная ситуация требовала поменять мой подход к безопасности. Однако лежавший в бардачке «ПЛ-15» совсем не прибавлял уверенности. Напротив, мне хотелось избавиться от оружия или, по крайней мере, убрать его подальше.

Порассуждав над этим несколько дней, я пришел к неожиданному выводу, что решить вопрос безопасности при помощи традиционного оружия в принципе невозможно. Наверняка я уже утомил читателя своими рассуждениями, поэтому лишь резюмирую и выделю моменты, которые упустил.

Вот они: горячее оружие небезопасно для владельца и членов семьи. Психологически сложно выстрелить в человека, а юридически лучше вообще этого не делать. Стрелковое оружие малого калибра неэффективно, крупнокалиберное же неповоротливо. В стесненных условиях им может овладеть нападающий. Легальное приобретение требует массы бюрократических процедур.

С холодным оружием чуть проще, но эффективно оно лишь в ближнем бою и опять же – вне стесненных условий. Оставленный без присмотра меч – такая же угроза для окружающих, а наличие у нападающего огнестрельного оружия полностью обнуляет усилия по защите.

Мне вдруг вспомнилось, что в человеке почти пять литров крови, и если нанести рубленую рану и вызвать артериальное кровотечение, то с большой вероятностью стены, мебель и потолок будут забрызганы кровью. Может, сейчас читатель и посмеялся над моими опасениями, но считаю это весомым аргументом против. Тот, кто хоть раз стирал большое количество крови, знает, что она не оттирается ни спиртом, ни бензином – только водой и пока не свернулась. Выше я описывал, как получил травму от отлетевшего в лицо диска болгарки, и упомянул, что забрызгал кровью салон автомобиля. Ее вид вызвал во мне слабость и тошноту, состояние очень не подходящее при обороне.

Мне, в общем-то, нужно было оружие, которое таковым и не являлось, как спортивная бита или кухонный нож. Безопасное для окружающих, высокоэффективное, мобильное и, по возможности, не летальное. Будто продолжение руки.

Как только в моей голове прозвучала эта фраза, я понял, что ищу. И странно, что никому раньше не пришла подобная идея. Впрочем, может и пришла, но кричать о ней разумный человек не станет.

Сделав несколько эскизов и вызвав Олега, я отправился на швейное производство «Дона Карлеоне». Уже через час одна из работниц сняла с меня мерки и, делая пометки в школьной тетради, лениво спросила:

– Алексей, мы с вами знакомы лет семь, а я все никак не попрошу вас, – она пальцем постучала в раскрытую тетрадь, – познакомьте меня с вашим дилером.

Я посмотрел на женщину, не понимая.

– Тоже хочу попробовать вашу траву, – пояснила она.

– Это не то, о чем вы подумали, – поспешно оправдался я.

– В этом-то и проблема.

– Просто сделайте, – попросил я. – Чем быстрее, тем лучше.

Спустя два дня я забрал шитую на заказ легкомысленной расцветки пижаму. Затем заехал в спортивный магазин и докупил недостающие компоненты.

Дома я все убрал в платяной шкаф и, наконец, расслабил напряженные плечи.

Глава 3

Казалось, что последние события растопили разделявший нас лед. Мои с Кристиной отношения почти вернулись к прежним, но ключевым словом здесь было «почти». Мы старательно избегали тему Саши, плавно переключавшейся из разряда любовниц в категорию друга семьи. Я даже удивился такой трансформации, произошедшей на моих глазах.

Мы с Сашей перебрасывались парой слов об игле, а Кристина секретничала с ней, как с лучшей подругой. Никто не ревновал, не подозревал и не пытался контролировать. И все же маленький червячок где-то глубоко внутри точил яблоко наших отношений. Была в них какая-то холодность, недосказанность, опустошенность.

Я получил с Цифрограда бета-версию семейного приложения и стал тестировать его в одиночку. По первоначальному замыслу это должна быть групповая инсталляция. То есть программа устанавливалась всем членам семьи, но предлагать Кристине сейчас я не решился. Подобно Джессу Ласеару, я начал эксперименты на себе, разумно предполагая, что являюсь «скотиной», и оценивая свои действия, может, субъективно, но крайне жестко.

Работа приложения заключалась в том, чтобы давать оценку окружающим меня событиям и получать обратную связь от друзей, близких и родных. Я открыл монопольный режим и сам оценивал действия, совершаемые мной.

Например, утром, когда обнимал и целовал Кристину, пять баллов уходили в мой актив. Звонки на работу, комплименты, цветы, ее любимая поза в сексе, просмотр фильма «Дом у озера» – за все это я начислял себе баллы.

Однако мир, с которым я взаимодействовал, это не только Кристина, и в приложение я заносил дорожные пробки, приятных и не очень покупателей, повышение пенсионного возраста и необычно теплую и яркую осень.

Спустя две недели мои наблюдения сложились в гиперболу. Согласно этому графику, я должен был впасть в длительную депрессию и покончить с собой. Но чувствовал я себя неплохо, а значит, мои оценки были сильно занижены. Либо существовали еще один или несколько каналов взаимодействия, которые не были учтены.

По сути, это самая настоящая научная работа – когда вы видите систему, не знаете, что в ней происходит, но по внешним признакам и с помощью многочисленных измерений вычисляете формулу.

Как, например, гравитация. У нас нет внятного объяснения, что это. Однако мы не только рассчитали ускорение свободного падения, но используем формулу каждый день. Самолеты и поезда движутся, не падают и не сходят с рельсов, хотя мы понятия не имеем, что находится в основе.

Я цинично рассуждал, что мы с Кристиной – устойчивая система транзакций, и раз она не разваливается, то либо хорошо сбалансирована, либо стремится к этому. А значит, рассчитать работу системы – только вопрос времени. И с еще большим энтузиазмом принялся за исследование и конспектирование наших отношений.

Сразу же я сделал неприятное для себя открытие. Даже не открытие, а наблюдение, которое на протяжении всей своей жизни не замечал. Мне просто не приходило в голову задуматься об этом, но, чтобы составить алгоритм, пришлось спросить себя:

«Почему мы совершаем те или иные поступки?»

Да, это очень простой вопрос, и ответ кажется простым, но я сейчас говорю не о желании пить, спать и веселиться.

Почему мы совершаем социальные поступки? Например, приговоренный к смертной казни – поднимается на эшафот. Почему заключенный идет к плахе, а, скажем, не вступает в

схватку с палачом? Ведь результат для него будет одинаков. Или почему дети делают уроки? Взрослые ходят на работу? Люди женятся и заводят детей? Что стоит в основе социальных алгоритмов, ведь они никак не связаны с нашими первобытными инстинктами – страхом, жадностью и ленью?

Как мне показалось, это связано только с чувством вины. Таким своего рода дизлайком от окружающих, который ни за что не хочет поиметь индивид.

Более того, иногда он может идти на причинение вреда, и даже смерть, лишь бы не выглядеть в глазах окружающих слабым.

Ярчайшим примером этого служит институт ронинов в Японии, где опозоривший себя трусостью вассал должен был уйти из жизни при помощи ритуального самоубийства, распоров брюхо. При этом господин как бы прощал мерзавца, но на него не накладывалось материальных обязательств. Например, содержание семьи ронина, забота о его потомстве и тому подобное.

Очень удобная и экономичная в плане ресурсов философия. Плавно выросшая из религии, экспансия социальной вины постепенно заползла под воротник современного человека. Сегодня мы не хотим просто смартфон, сегодня нам подавай «яблоко». И стоять за последней моделью в очереди совсем не стыдно: быть в очереди людей, способных приобрести эту модель, все равно, что оказаться в списке Форбс. В противном случае столкнуться с чувством вины.

Почему же я его не испытываю?

Очень давно я западал по наручным часам, покупал и искал новейшие модели. Все потому, что, как мне кажется, знаю в этом толк. Это сугубо субъективное мнение, но то, что сегодня выпускает швейцарская промышленность – отвратительно по определению. Я не беру технические характеристики изделий и говорю исключительно о дизайне. Мне он не нравился никогда. Попадались часы на твердую четверку, модели, на которые облизывался, потому что не мог себе позволить, но в принципе весь модельный ряд я оцениваю как отстойный.

Чтобы у читателя не возникло ощущение, будто записки делает самолюбивый напыщенный поц, я приведу пример. Относительно недавно интернет наводнил мем наручных часов в виде советского электросчетчика. Здесь слово «советский» использовано в качестве временной характеристики. Были такие механические приборы с вращающимся за счет вихревых токов алюминиевым диском. Наши дедушки и бабушки его помнят. И вот один незадачливый фотошопер сделал коллаж из счетчика и электронных часов. Яндекс страдал от запроса, где купить такие часы, а буквально через год китайская фирма «Skmei» выпустила на рынок похожую модель. Сегодня вы без труда найдете их на «Али», но что стоило спроектировать такой дизайн профессионалам?

Если вы по-прежнему убеждены, что маркетологи просиживают штаны не напрасно, приведу еще пример. Когда я переехал в частный дом, столкнулся с проблемой неустойчивой сотовой связи. Мой аппарат плохо ловил сигнал, быстро садился, и представляю, как сильно фонила антенна, пытаясь дотянуться до своей соты. Я много лет пытался купить стационарный сотовый телефон. Чтобы он стоял на столе и постоянно был включен в розетку, чтобы к нему можно было подсоединить усиливающую антенну и чтобы трубка была на шнуре, а не связывалась с базой по радиоканалу.

Сегодня такой аппарат можно купить только в интернет-магазине, но десять лет назад это было решительно невозможно. Причем, если я спрашивал в магазине о наличии такого устройства, продавцы крутили пальцем у виска и говорили:

– Так он же перестанет быть мобильным.

Ой, да я могу рассказать сотню таких историй, когда производителям товаров и услуг наплевать на желания покупателей. Порой я точно знаю чего хочу, даже делаю эскизы и пытаюсь найти. Но не всегда всевидящий отдел по развитию обращает внимание на меня. Так же было с наручными часами, пока однажды не зашел на «Железный рынок», где увидел китайские пародии швейцарских и японских часов. Я купил их штук двадцать, а позже отправлял

покупателям в качестве извинения, если девчонки сильно косячили. Но самое главное, нашел, что так долго искал – электро-механические часы стоимостью семьсот рублей. Я носил их четыре года. После того как они облезли и поцарапались, с сожалением отправил в мусоропровод. Вместе с ними ушла и моя «часомания». Я понял, что носить дорогие часы так же тупо, как покупать яблочный телефон, и что большими деньгами мы платим не за вещь или сервис, а компенсируем наше чувства вины.

Именно чувство вины заставляет идти солдата в атаку, а вовсе не патриотизм. (Прямотаки вижу, как сплонули ура-патриоты.)

Приведу очень бородатую байку о том, как генерал обходил окопы перед атакой.

Молодой боец тихо плакал, ожидая сигнал к наступлению. К нему подошел бывалый военный в лампасах и ободряюще похлопал по плечу.

– Что, сынок, страшно? – спросил он по-отечески.

– Я описался от страха, – сказал новобранец, – мне стыдно, поэтому и плачу.

Тогда генерал подмигнул солдату и тихо сказал:

– Ничего, сынок. Я вообще обгадился.

Уверен, что история придуманная, но где здесь патриотизм? Если, конечно, патриотизм – не чувство вины перед товарищами.

Да и где может быть патриотизм при рыночном воспитании? Я могу себе представить, что кто-то может погибнуть за Родину, и даже за Сталина, но за Ельцина-то – дураков нет.

И все же патриотизм, если верить Википедии, – любовь к Родине, а значит, чувство противоположное чувству вины. Как и наши с Кристиной отношения.

Я дарю ей цветы, потому что люблю ее или потому что хочу вызвать чувство вины? Одинаков ли будет результат? Каковы последствия двух совершенно однозначных транзакций: подарить цветы любя и подарить цветы, ожидая чего-то взамен? Я понял, что приблизился к разгадке очень существенного и важного принципа, но пока мне не хватает опыта, чтобы его прочувствовать.

Хорошо. Будем продолжать накапливать знания, и рано или поздно материал из количественного перейдет в качественный, а мне удастся сделать академически выверенный вывод. Пока же я стал конспектировать наши с Кристиной диалоги. Игла мне в этом очень помогла, составляя стенограмму наших бесед.

Я сбрасывал их на компьютер и причисывал электронными таблицами, сразу же заметив – у Кристины, как и у меня впрочем, стабильный словарный оборот. Иными словами, мы используем одни и те же устойчивые идиомы и словосочетания. Более того, по количеству местоимений и союзов нас можно идентифицировать не хуже дактилоскопии. А слова-паразиты – просто вишенка на торте – живут в нас как настоящие.

Мне сразу же вспомнилось Ленкино умение определять энтропиков по почерку, и я позвонил ей.

– Меня всегда поразило твое умение узнавать проблемных покупателей, – сказал я вместо приветствия.

– А меня – твое умение звонить не вовремя. – Как обычно, Ленка отреагировала колкостью.

– Чем ты таким занимаешься? – спросил я.

– Утро понедельника, – сообщила она.

– Делаешь заявки поставщикам?

– Именно, – подтвердила Ленка.

Было почти одиннадцать, а я знал, что Ленка всегда успевает до половины десятого. Следовательно, мой администратор мне лгала, либо действительно не хотела говорить, но совершенно по другой причине. Я хмыкнул.

– Ну, давай зайду вечером, и все обсудим.

– Нет уж, вечером я занята, спрашивай сейчас, и покороче.
– Хорошо, – растянул я, – подскажи мне алгоритм твоего безошибочного узнавания. Вернее, не так. Я тебе его расскажу, а ты поправь.

– Слушаю, – согласилась Ленка.

– Я тут предположил, что у энтропиков, ты их обычно называешь гандурасами, есть своего рода словарь. Выражения, которые они чаще всего используют, слова-паразиты.

– Кажется, я тебе говорила, что они пытаются нарушить правила.

– Помню, – согласился я, – но может, есть какие-то вербальные маркеры.

– «Какие гарантии?». Энтропики чаще всего спрашивают гарантии. Причем, если задать им вопрос, что конкретно, это приводит их в ступор. Как правило, немногие отвечают, что хотят оплатить товар при получении. И если я спрашиваю, что мешает мне прислать вместо заказанной детали кирпич, то самые тупые отвечают: «А я не буду оплачивать».

– Иными словами, – подытожил я, – энтропики используют антонимы к слову страх? «Гарантия» или что-то подобное.

– Да я бы не сказала, – ответила Ленка. – Это больше похоже на поведение избалованного ребенка: «хочу» или, как часто говорят мамы, «вынь да положи».

– Не знал, что ты общаешься с молодыми мамами, – выпалил я и тут же прикусил язык.

Я упоминал, что Ленкина личная жизнь была для меня загадкой. Казалось, девушка годами не выходит из дома, а она, Ленка, уже давно переступила пубертатный период, и логичным было бы завести семью или, по меньшей мере, парня. Однако мой администратор все двадцать четыре часа находился на работе. От чего я невольно испытывал угрызение совести.

– Кстати, Лен, а тебе не кажется, что энтропики лишены чувства вины, или даже наоборот, они нас с тобой изначально считают виноватыми?

– А где здесь «кстати»? – спросила Ленка.

– Просто в голову пришло.

– Чувство вины... – сказала девушка, как бы смакуя. – Это называется эгоизм, Леша. Но мысль интересная. Что, если отправлять покупателям твои голые фотографии? А в случае непоставки товара выкупать их обратно.

– Тьфу, – плюнул я в трубку.

– Ну, подожди, – прицепилась Ленка, – ты же любишь чужие идеи вертеть. Можно тебе спеть на камеру акапелла, если не хочешь фотографии в стиле «ню». Посылать видеофайл покупателю как гарантию получения товара. И я убеждена, что любой, получив такую запись, обязательно в нее заглянет, а увидев, сразу же испытает чувство вины. И уже после не сможет уйти в другой магазин. Так сказать, будет должен жениться.

Я прервал разговор, но подумал, что Ленка, как всегда, права. Только опять это не будет работать.

И еще она сказала слово «эгоизм». А что это в моем понимании первобытных инстинктов? Пересечение жадности и лени или жадности и страха? Казалось, что эгоизм – сама сублимация всех трех чувств. Абсолютный и первобытный порок.

В то время, о котором я рассказываю, мне нравилось приезжать в Технопарк и гулять по автостоянке, щекоча нервы до состояния холодных иголок в пальцах.

По какой-то причине я был убежден, что повторных покушений Организация не предпримет, и бесстрашно разгуливал на месте нападения. Чтобы это не показалось странным, я брал щенка шоколадной таксы по имени Ширли и выгуливал его. Нередко Ширли скулила, желая, вернуться в корпус, а иногда просто подгибала лапы и садилась прямо на асфальт. Тогда я брал ее на руки и заносил в лабораторию. Щенок тут же тыкал меня холодным носом в рукав, прося, чтобы его гладили.

– Какая требовательная к ласке собака, – каждый раз удивлялся я. – «Гладьте меня, пожалуйста, а гулять я больше не хочу!»

Поняв, что говорят с ней, собака весело лупила мне в грудь хвостиком.

Тук-тук-тук.

Я уже не считал действия щенка эгоистичными. Ведь, глядя холку, вместе с ним получал заряд положительных эмоций, вроде бы становясь лучше, добрее, что ли.

В очередной раз, гуляя с собакой, я увидел на стоянке долговязую фигуру в длинном плаще. Человек показался мне знакомым, но я не сразу узнал Аркадия Быстрицкого.

– Сколько лет! – приветствовал он меня.

– Рад вас видеть.

Действительно, с нашей последней встречи прошло больше года. Быстрицкий изменился и, как мне показалось, постарел. На его лице стало больше морщин, но улыбка осталась прежней.

– Какими судьбами? – спросил я.

– На очередной брифинг, – развел руками доцент кафедры прикладной физики. – А вы? Я смотрю, такс разводите.

– Выгуливаю, – уточнил я. – Вот, взяли из приюта, чтобы звук записать, а сдать обратно не получилось. Так и прижилась в девятой лаборатории. Хорошо, хоть руководство комплекса не гонит, а то бы пришлось усыпить.

Ширли недовольно подняла мордочку.

– Да ладно, шучу, – сказал я собаке.

– Странная порода, – заметил Быстрицкий, – вроде кроличья, но грудь слишком объемная. Такая в норе застрянет, а для классической породы – маленькая, ни то ни се.

– Наверное, по этой причине хозяева ее и сдали.

– Вы говорите, записывали звук? – спросил Быстрицкий, – Зачем, если не секрет?

– Да это уже закрытый проект. Записывали стук ее хвостика, но сейчас я работаю над другой программой.

– Поделитесь?

– Семейное приложение, – объявил я. – Дабы создать гармонию во взаимоотношениях супругов.

– Серьезно? – удивился Быстрицкий. – И каков основной принцип?

Я как можно подробнее рассказал о своей работе. В конце моей речи Аркадий нахмурился.

– Что-то вам не нравится? – спросил я.

– Все нравится, просто не понимаю. Вы пытаетесь подсчитать, кто больший в семье эгоист?

– Нет, – ответил я обиженно.

– Алексей, а вы когда-нибудь слышали об открытых и закрытых системах?

– Не припоминаю.

– Я вам сейчас расскажу, но сначала о вашем исследовании чувства вины. Эгоизме, как вы назвали. Если правильно понимаю, вы исследуете альтруизм. По большому счету... Ведь эгоизм это механизм выживания особи. А альтруизм – группы. Улавливаете разницу?

– Нет, – растерянно сознался я.

– Вы никогда не слышали о почвенных бактериях Субтилис? Их общественная жизнь полна драматизма. Дело в том, что, когда колония голодает, одна половина бактерий убивает другую. Погибшие служат пищей своим убийцам. Причем все бактерии имеют защитный механизм от яда, которым их травят соплеменники. А это значит, что бактерии, служащие пищей, добровольно отключают защиту. Переводя на наш язык – совершают акт самопожертвования. Или, если хотите, альтруистское самоубийство. А все потому, что целой колонии не выжить и только таким образом можно сохранить популяцию.

Представьте себе, что большинство бактерий окажется эгоистами. Тогда бы мы никогда не узнали о существовании Сублилис. Но этот механизм закрепился эволюционно, и мы видим его продолжение в поведении летучих мышей-вампиров, где особи подкармливают своих соплеменников, даже без родственных связей. Среди летучих мышей есть экземпляры, которые игнорируют этот принцип, те самые эгоисты. И что бы вы думали? В тяжелые времена никто не желает делиться с ними пищей. Но самое важное для дальнейших выводов, что альтруистское поведение не является адресным.

– Пока не улавливаю связи.

– Я всего лишь хочу сказать, – заметил Быстрицкий, – что альтруизм это порождение социума, групповой признак, в отличие от эгоизма, абсолютно индивидуального посыла. Сейчас вы пытаетесь понять, что движет вашими поступками, альтруизм или эгоизм. И, как всегда, ответ очень прост: если вы создаете транзакцию адресно, это эгоизм, если же действие групповое, то это в чистом виде альтруизм.

– Но как я могу действовать не адресно в группе из двух человек?

– Вам решать, – ответил Быстрицкий. – Не могу же я ответить на все вопросы.

Я задумался, собака замерзла и села, намекая, что дальше продолжит прогулку на руках.

– Эгоистка, – сказал я. – Ты мне пока не семья.

– Ну, а теперь – к системам, – продолжил Быстрицкий. – Взаимодействие, которое совершаете вы, всегда бинарное – ноль или единица – и такие системы всегда закрыты. Однако семья может состоять из нескольких человек, с ней могут взаимодействовать другие семьи, и это уже открытая система, в ней значение транзакций может достигать от нуля до бесконечности.

– Приведите пример, пожалуйста, – попросил я.

– Извольте, – согласился Быстрицкий. – Включите телевизор и посмотрите политическое ток-шоу. Гости из Украины приезжают в Москву, чтобы их поводили носом по батарее. Зачем? Или, правильнее сказать, почему? Да потому, что на каждой передаче их аудитория укрепляется во мнении, что Россия – страна-агрессор, и так же жестко ведет себя с гастролирующими политиками. А противоположная сторона убеждается, будто в Незалежной уже весь мозг отморозили, иначе зачем вступать в спор с такой слабой аргументацией? Каждый остается при своем мнении без соблюдения баланса системы, потому что она является открытой. Ну, если совсем банально, это как открытый ядерный реактор. Посчитать его КПД невозможно – только ущерб окружающей среде.

– Что же получается, мое приложение никогда не будет работать?

– Не знаю, – пожал плечами Быстрицкий, – сейчас везде кризис. Даже фундаментальная физика находится в тупике.

– Как это возможно? – спросил я. – Наука не может находиться в кризисе.

– Может, – растянул Быстрицкий. – Похоже, мы приблизились к пределу того, что можем узнать.

– Проясните, – попросил я.

– Помните, – начал Быстрицкий, – как сто лет назад появились теория относительности и квантовая механика? Это были золотые времена. Казалось, еще немного, и мы выведем формулу всего. Однако Эйнштейн умер, так и не закончив единую теорию поля, а на протяжении последующих пятидесяти лет появилась разве что теория струн. Это довольно спорное научное открытие, которое никогда не будет подтверждено.

– Почему? – спросил я.

– Видите ли, существует более пятисот версий струн, десятков – основных, и все они недоказуемы, но по-своему логичны. Виновны в этом два открытия, или, если быть точным, два числа.

Второе удалось вычислить относительно недавно, в 2012 году, при открытии бозона Хиггса в ЦЕРНе. Поле Хиггса очень сильно и может быть либо включено, либо нейтрально, как выключатель.

Вы наверняка чувствовали его, поднося магниты друг к другу. Стоит разнести их, и поле как бы исчезает. Но мы с вами понимаем, что оно просто становится нейтральным.

Так вот, если бы поле Хиггса было включено или выключено, во Вселенной не смогли бы образоваться атомы. Поле включено именно на ту величину, на какую необходимо. Другими словами, наша Вселенная тонко настроена. Очень тонко, вы даже не представляете как.

Может статься, что все теории струн верны и для каждой из них существует своя вселенная. Но мы никогда не сможем узнать об этом. Потому что в них нет даже материи или чего-то понятного нам, как, например, время.

– А первое открытие? – спросил я после паузы.

– Девяносто восьмой год, – сказал Быстрицкий. – Доказано, что Вселенная расширяется с ускорением, и причина тому – темная энергия. Удалось подсчитать силу этой энергии, и оказалось, что она в десять в сто двадцатой степени больше, чем показывают астрономические наблюдения. Это много, Алексей, очень много. Больше всех имеющихся во Вселенной атомов в миллионы миллиардов триллионов раз. Даже физикам не по себе от этого числа.

– А что в нем плохого? – перебил я.

– Это значит, Алексей, что нас здесь нет. Мы с вами, как все галактики и звезды, обязаны немедленно взорваться.

Честно говоря, я не разделил пессимизма Быстрицкого, но доцент, может быть невольно, подтолкнул меня к апатии. Состоянию, в котором я провел несколько дней.

Однажды Саша поинтересовалась, что у меня не так. Я рассказал и о семейном приложении, и о разговоре с Аркадием.

Выслушав, девушка спросила:

– А есть подобные приложения в игле?

Я даже выпрямился. Почему эта мысль не возникла у меня?

– Ты уже использовала что-то подобное? – спросил я.

– Вовсе нет, – ответила Саша. – Я пользуюсь приложениями по манипуляции, такими, как воронка продаж, зачем мне создавать гармонию, да и с кем?

– Прости. Но ты более опытный пользователь, может быть слышала.

Саша задумалась. Она сморщила носик и нехотя сказала:

– Посмотри «Жадар», может «Линггроу» подойдет, но все это виджеты для манипуляции и атаки, совсем не предназначенные для семьи.

* * *

Как я уже говорил, человек соответствует своей фамилии. Знал я алкоголика по фамилии Брагин и знайку Умнова, но, когда встретил депутата Барина, даже присвистнул.

О чем думает избиратель, останавливая свой выбор на народном избраннике с подобной фамилией, или лучше спросить – чем? Ну очевидно, не головой. Ожидаемо Барин был коррупционер, вор и властолюбец. А еще он открыто рисовал из себя такого маленького царька или без меры обнаглевшего помещика.

Откровенно говоря, я не люблю посторонних у себя в доме, и тем более дурно пахнущих депутатов с грубым, как у вороны, голосом. Но Барина это несколько не беспокоило. Он просто приехал, как бы делая мне одолжение.

Все произошло, когда моя дуэль – ролик с покушением – перекочевала из Ютюба в Телеграф. Посредством Сашиной суеты и подключением Сергея Мухина мне удалось подавить собственную популярность. Ведь быть известным администратором – это одно, а носителем иглы,

на которого покушается Организация – совершенно иное. Пока кто-то не выложил в комментариях все, что произошло в реалиях, следовало сбросить популярность ролика. Боты Мухина ставили мне дизлайк, отправляли жалобы на то, что видео пропагандирует насилие, и комментировали: ролик постановочный, а его актеры живы и здоровы!

В итоге видео уже невозможно найти в интернет. Однако в закрытых подписках Телеграфа недовольные чиперы подняли целое восстание. «Сколько можно терпеть, пока нас убивают?» – спрашивали одни. «Не пора ли объединиться для защиты носителей?» – отвечали вопросом другие. И, разумеется, мне промыли косточки по второму кругу.

Баринова проблема безопасности не взволновала совсем. Надо отдать ему должное, он неглупый человек и прекрасно понял, что именно объединение подвергнется решительной атаке организмов. Чиперы высокого ранга не страдали этим вопросом – их охраняли и так, еще до того, как они обзаводились иглой. В данном случае анонимность была наилучшим покрытием, под которым мог спокойно спрятаться носитель.

Внимание народного депутата привлекло вовсе не покушение, а моя лекция о привлечении удачи и аспект, рассказывающий про гармоничное общество.

– Ты, Алексей, говорил про общество будущего, – начал Баринов, после того как я спросил о цели визита. – А с этим у нас серьезные проблемы.

– Что значит «у нас»? И что значит «проблемы»? – попросил уточнить я.

– У нас, у депутатов, – пояснил он. – А что значит «проблемы»? Так выгляди в окно. Тольятти в этом году занял почетное первое место по оттоку молодежи. Уезжают студенты, уезжают выпускники, и через десять лет некому будет выключить свет на вокзале. Перед твоим домом будут проезжать пятьдесят мусоровозов в день, а кому это понравится?

– Что?.. – не поверил я.

– Тольяттинская организация стала региональным оператором по сбору мусора. А это значит, что где-то поблизости вырастет гора в сто пятьдесят метров высотой, и туда будут свозить отходы со всей Самарской области.

– Да я не верю.

– Напрасно, – Баринов удивленно поднял брови. – Мой коллега Зайцев этим занимается – ты, как носитель, можешь прочитать это в Телеграф.

– Но зачем? Зачем создавать грандиозную свалку?

Баринов еще больше округлил брови.

– Как, Алексей!? Маленькие свалки не имеют фугасного эффекта. К тому же централизация создает превосходную среду для нас с тобой. Ну кто проверит, сколько тысяч тонн подгружено в тело свалки, если само тело... – Баринов захихикал, – миллионы тонн мусора. А ведь всегда найдутся люди, которым нужно что-то утаить. Кому ртуть, кому фосфор, а кому и реальное тело. Извини за каламбур.

Похоже, народный депутат принял меня за такого же мерзавца и откровенничал не стесняясь. Я буквально выдавил улыбку и даже засмеялся.

– Мы здесь проездом, – пояснил Баринов, – загадим планету как только сможем. С маленькими свалками природа рано или поздно справится, а большая будет тысячелетия работать, станет, так сказать, выстрелом в сердце. Да ее можно будет из космоса наблюдать.

– А вы уже решили, куда поедете после? – спросил я. – Когда жить здесь станет невозможно?

– В Данию поеду. Там много наших. Лондон мне пока не по карману. Ну, что это мы все про меня? Ты, Алексей, придумал новую национальную идею – ты и рассказывай.

– Проснись и приберись? – спросил я. – Как-то не пишется она со всем выше сказанным.

– Отнюдь, – возмутился Баринов. – «Год Экологии». Мы делаем вид, что боремся с загрязнением, а что может быть нагляднее, чем горы мусора? Вот он – мусор, а вот – люди, которые в нем копошатся, так сказать борются с ним. Все логично. Нужна только мотивация,

позитивный посыл. И ты как нельзя вовремя со своим лозунгом, или девизом. У избирателя должно создаваться впечатление перспектив, будущего.

– Но я имел в виду совершенно не это. Суть моей идеи в том, чтобы бороться с энтропией, уничтожать хаос, приводить в порядок дела, систематизировать задачи, строить планы, в конце концов.

– Какой ты упрямый, – возмутился депутат. – Хорошо, бог с ней, со свалкой. Ты когда-нибудь был на Арлингтонском кладбище?

– Нет, – сказал я, старательно соображая, в какую сторону клонит Баринов.

– Идеально ровные ряды. Безупречная строчка могил. Вот бы у нас такое замутить – и концепция сгодится, про энтропию и порядок. Тут можно много чего приплести.

Баринов посмотрел в окно на начинающийся за забором лес.

– У тебя крайний дом. Если вырубить гектаров пятьдесят, представляешь, какую красоту можно устроить?

Я еле сдержался, чтобы не ударить депутата молотком для отбивки мяса. Мои руки реально затряслись.

– Никому не позволю устраивать здесь погост, – сказал я осипшим голосом.

Когда Баринов повернулся, то не мог не заметить моего состояния. А может, прочел эту информацию в нимбе или другом виджете иглы.

– У-у, Алексей, ты что-то выглядишь усталым. Тебе бы отдохнуть.

Как мне показалось, я взял себя в руки и уже инстинктивно, на автомате, пожал протянутую мне ладонь.

Баринов подмигнул и вместо прощания сказал:

– Понравился ты мне, Лешка. Пришлю в Телеге ссылку на одно очень качественное путешествие. Секс-туризм в выдуманную страну, ну очень реалистично.

И, понизив до шепота голос, добавил:

– Только для депутатского корпуса. Как от сердца отрываю.

Глава 4

По своей сути игла является устройством ввода-вывода и не должна содержать приложений. Чтобы использовать, скажем, ту же самую «Воронку продаж», нужно загрузить все в смартфон и лишь затем провести инсталляцию. Обусловлено это очень простым и понятным намерением – ограничить использование памяти самой иглы. Несмотря на фантастическую производительность, ресурсы устройства все же конечны.

Однажды я удалил приложение из смартфона, и оно перестало работать в игле – это очень удивило меня и совсем не порадовало.

Думаю, что еще одним условием такой жесткой политики стала кастовость носителей. Высокопоставленные чиперы не спешили делиться с новичками современным программным обеспечением, и найти хорошее приложение можно только через дилера.

В игле нет никакого «Маркета» и аналога Google Play. Необходимо точно знать, что вы хотите и как это применить, потому что большинство приложений не русифицированы.

К счастью, мой технический английский позволял разобраться с большинством. За исключением программ, где требовался литературный перевод, а в приложении «Жадар» он потребовался. Я крутил его около недели, что-то спрашивал у Саши, а до каких-то вещей доходил сам, и здесь приведу инструкцию, как если бы она была написана на русском, но заранее прошу прощения за отсебятину и белые пятна. Некоторые аспекты показались мне слишком простыми, даже банальными, а некоторые оказались недоступны. Причиной этого я считаю разницу в культурном уровне и специфическом российском менталитете.

Чтобы читателю было понятно, я приведу пример.

Году этак в нулевом я приобрел первый mp3 проигрыватель, который содержал в себе встроенный диктофон. Много лет спустя я попытался записать речь и заметил, что файлы получаются очень низкого качества. Их битрейт настолько мал, что сквозь голос сочатся шумы и треск. В настройках плеера можно было изменить качество от уровня Low до High quality, однако, сколько я ни переключал параметры, фонограмма оставалась шипящей. Тогда я стал «тренировать» плеер. Записал свой голос на компьютере и диктофоне, подключил плеер через USB и заменил записанный на диктофоне файл, с сохранением имени и регистра, файлом высокого качества. Диктофон стал создавать фонограммы без шумов и помех.

Мне до сих пор не понятен механизм этого преобразования, однако сейчас речь не о нем. Позже, общаясь со своими американскими коллегами, я рассказал этот случай, и они не поверили мне, даже наличие того плеера не помогло. Америкосы просто не допускали, что разумный человек совершит подобные действия.

Этим мы и отличаемся, и Задорнов во многом прав, когда говорит про американцев, что они «тупые».

Итак, перевод смысловой, за подлинность не отвечаю.

«Жадар» – виджет-экзаменатор для проведения собеседования или вербовки наемного сотрудника, в скобках – агента.

Очевидно, Саша подумала, будто данное приложение можно использовать при выборе спутника жизни, дабы оценить его потенциал и не тратить время на бесперспективные отношения. Далее.

Выполнен в виде светящегося конуса и расположенного в нем отрезка, в скобках – вектора. Вектор может начинаться ломаной линией, а если линия особенно извилиста, добавляется экспонента, или, попросту говоря, «средняя», предвосхищающая следующий поворот. В реальности экспонента всегда опаздывает и служит не для прогнозов, а лучшего понимания тренда.

Светящийся конус расположен фоном под лучом. В идеале луч должен начинаться в основании конуса и располагаться вертикально вверх. Конус должен быть максимально узким. В реальности же это незакрытый треугольник градусов в тридцать с ломаной линией – таким, своего рода, червячком, который бьется то об одну стену, то о другую. У людей бесцельных и бесперспективных это конус с углом под сто градусов, где ломаная линия просто гуляет по полю, не имея видимых тенденций. Напротив, устремленные к чему-то сужают свои желания и число попыток достижения их.

Представьте, что вы беседуете с претендентом на должность в вашей компании. Что попросит кадровый работник в первую очередь? Диплом и резюме.

По мнению создателей «Жадара», это все глупости – претендента нужно оценивать только по трем характеристикам: где он был до этого момента, кем является сейчас и куда движется. А переводя этот принцип в наши реалии, следует заглянуть в трудовую книжку и поинтересоваться, сколько мест работы сменил претендент и, самое главное, в какой сфере.

Каждая новая работа будет отрезком на ломаной линии. Если сферы деятельности похожи, то линия будет более или менее прямой. Ну а луч будет указывать направление, в каком движется претендент сейчас. Большинство работодателей никогда не спрашивают соискателей об их планах, и напрасно – это самый важный пункт при приеме на работу. Потому что большинство работников собираются ежемесячно получать зарплату и не утруждать себя служебными обязанностями. Если они скрывают это, значит, собираются еще и обманывать нанимателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.